

Б.С. КОТОВ

МЕЖСОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЛЕТА 1913 года В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА (по материалам прессы)

Война Балканского союза против Османской империи, начавшаяся в октябре 1912 г., привлекла огромное внимание российского общества. Победы Болгарии, Сербии, Греции и Черногории над турками воспринимались российской общественностью как завершение той миссии по освобождению Балканского полуострова, которая была начата и наполовину осуществлена самой Россией в ходе нескольких русско-турецких войн XVIII–XIX вв. В России надеялись, что временная коалиция четырех балканских государств превратится в прочную Балканскую федерацию, которая станет естественным союзником России и других стран Антанты в их военно-политическом противостоянии с австро-германским блоком.

Видный российский публицист начала XX в. М.О. Меньшиков в ноябре 1912 г. писал на страницах влиятельной газеты “Новое время”: “Весь свет привык думать, что балканские народы грызутся, как пауки в банке, и примирение между ними, сколько-нибудь искреннее, невозможно. Но теперешняя война с Турцией доказала, что существуют чудотворные лозунги, способные превращать соперничество в солидарность”¹. Однако в российскую прессу начали проникать первые слухи об обострении противоречий между победителями Турции из-за раздела завоеванных территорий: соперничество между болгарам, греками и сербами не исчезло, оно лишь временно отступило на второй план перед желанием свести счеты с Османской империей. Но как только турки были разгромлены, а их европейские владения оказались в руках победителей, разногласия проявились в самых острых формах.

В начале декабря 1912 г. “Новое время” сообщало о серьезных трениях в стане союзников. Предвидя разразившуюся спустя полгода войну, эта газета, всегда отличавшаяся пылкими славянофильскими симпатиями, с тревогой писала: “Между союзниками снова вырастает древняя тень братоубийственной распри. Начинают спорить о дележе шкуры еще не убитого медведя. И доделаются до того, что раненый зверь переломает хребты неразумных спорщиков”². “Утро России”, еще одна видная газета неославистского направления, отражавшая взгляды партии прогрессистов, подчеркивала, что, только сохранив единство, союзники смогут заключить выгодный мир с Турцией и успешно противостоять австрийской экспансии: “На распад союза уже надеются в Вене. Делаются попытки поссорить болгар с сербами и греками... Сила балканских государств – в единении. Тогда никакая Вена им не страшна”³. Другая газета, “Голос Москвы”, являвшаяся рупором влиятельного “Союза 17 октября” (“октябристов”), предупреждала, что, если союзники окончательно перессорятся друг с другом, “не они будут делить Турцию, а их будут делить между собой хищники, какие окружили их со всех сторон такой жадной толпой”⁴.

Котов Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

¹ Новое время, 1.XI.1912.

² Новое время, 22.XI.1912.

³ Утро России, 2.XI.1912.

⁴ Голос Москвы, 28.XI.1912.

Однако все предостережения российской прессы оказались тщетными. На протяжении последующих месяцев напряженность в отношениях между победителями Турции только возрастала. Сербия, не получив выхода к Адриатике, искала территориальных компенсаций в Македонии. Здесь ее интересы сталкивались с интересами Болгарии, считавшей практически всю Македонию вплоть до Охридского озера своим историческим достоянием. Оккупировав в ходе войны большую часть этой области с крупными городами Скопье, Монастырь, Дибра, сербы объявили заключенный 13 марта (29 февраля) 1912 г. договор с Болгарией о разграничении в Македонии устаревшим и потребовали его пересмотра. Греция, недовольная решением Лондонской конференции передать Албании северную часть Эпира со смешанным албано-греческим населением, стремилась расширить свою территорию за счет южномакедонских и фракийских земель, на которые претендовала и Болгария⁵. Еще в ходе Первой Балканской войны сербы, греки и болгары начали практиковать этнические чистки на занятых ими территориях. К моменту заключения Лондонского мирного договора между прессой Болгарии, с одной стороны, и прессой Греции и Сербии – с другой, уже шла ожесточенная информационная война: обе стороны умалили военные заслуги друг друга в победе над Османской империей, обвиняли друг друга в насилиях, совершаемых в отвоеванных у Турции областях, несоблюдении союзных обязательств и т.д.

В России чрезвычайно болезненно воспринимали распрю между балканскими союзниками. Блестящие победы над Турцией грозили обернуться распадом Балканского союза, созданного при активном содействии российской дипломатии. Чтобы не допустить этого, император Николай II 8 июня (26 мая) 1913 г. обратился с личным посланием к главам государств, стоявших на пороге войны. В тождественных письмах, адресованных болгарскому царю Фердинанду и сербскому королю Петру, он заявлял, что болгаро-сербская война из-за Македонии будет преступлением против всего славянства и безобразным завершением освободительной войны против Турции. Император предложил спорящим сторонам прибегнуть к русскому арбитражу⁶.

Данная миротворческая инициатива была положительно воспринята российской общественностью, выражавшей надежду, что правительства балканских государств не осмелятся ослушаться призыва к согласию, исходящего от русского монарха. “Русское слово” патетически заявляло: “Впервые твердо и решительно прозвучал голос России на Балканах. В ту самую минуту, как братья готовились скрестить мечи, высшая сила их остановила, напомнив им о долге чести и совести”⁷. “Новое время” подчеркивало, что то государство, “которое сочтет для себя позволительным уклониться от беспристрастного решения русского государя, тем самым откажется от славянства и свяжет судьбу свою с чуждыми народами, исконными недругами славянской свободы и независимости”⁸. “Голос Москвы” предупреждал, что отказ от русского арбитража крайне негативно отразится на отношении к балканцам в России: “Русское общество подвергнет ревизии свои симпатии к балканскому славянству... Они и так уже идут на убыль в ужасающей прогрессии... Думают ли на Балканах очень много выиграть, если этому росту негодующих чувств не будет положено сейчас же предела?”⁹. “Московские ведомости” надеялись, что “благоразумие возьмет верх и что дело не дойдет до братоубийственной войны, которая еще более разорит балканские народы на радость и на пользу врагов славянства и лишит их надолго влияния в международных делах”¹⁰.

⁵ Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. – В “пороховом погребке Европы”. 1878–1914 гг. М., 2003, с. 492–495.

⁶ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 341.

⁷ Русское слово, 1.VI.1913.

⁸ Новое время, 1.VI.1913.

⁹ Голос Москвы, 6.VI.1913.

¹⁰ Московские ведомости, 21.V.1913.

Однако ответы Болгарии и Сербии на призыв Николая II решить спор миром оказались уклончивыми¹¹. И в Софии, и в Белграде больше рассчитывали на мощь своей армии, чем на силу этнографических и исторических аргументов. Вчерашние союзники, ставшие теперь непримиримыми врагами, были настроены очень воинственно и не желали идти на уступки. Неудивительно, что уже через день после подписания Лондонского мира с турками 1 июня (19 мая) 1913 г. правительства Н. Пашича и Э. Венизелоса заключили строго секретный сербо-греческий союзный договор, направленный против Болгарии.

Российскому обществу было нелегко решить, кто в этом конфликте был прав, а кого следовало считать предателем “славянского дела”. Крайне правое “Русское знамя” и либеральное “Русское слово” в споре между балканскими государствами склонялись на сторону Сербии. Они осуждали болгарский шовинизм, выступая против непомерных, с их точки зрения, болгарских притязаний. Данные издания считали, что блестящие победы над турками породили среди болгар крайнюю заносчивость и нежелание считаться с важнейшими интересами своих союзников. Газета “Русское знамя”, представлявшая точку зрения черносотенного “Союза русского народа”, хотя и заявила вначале, что не собирается поддерживать какую-либо сторону, а хочет только объективно информировать читателей о причинах конфликта между союзниками, высказывала в дальнейшем явное осуждение гегемонистских устремлений Болгарии и сочувственное отношение к Сербии. В этой газете указывалось, что болгары, настаивающие на строгом соблюдении национального принципа при разделе Македонии, сами же не считаются с ним в оккупированной Фракии, населенной преимущественно греками и турками¹².

Аналогичной точки зрения придерживалось и “Русское слово”, являвшееся накануне Первой мировой войны самой распространенной и популярной газетой России и не раз выступавшее в качестве официоза российского министерства иностранных дел. В марте 1913 г. газета писала: “Русский народ горячо желает создания великой Болгарии и политического объединения всей болгарской нации. Но сочувствовать болгарскому империализму и потворствовать мании величия, охватившей некоторые софийские круги, мы не можем”¹³. По мере обострения кризиса позиция “Русского слова” становилась все более антиболгарской. В мае эта газета поддержала идею пересмотра сербо-болгарского союзного договора 1912 г., подчеркивая, что сербская и греческая армии сделали для болгар во время войны с турками больше, чем болгары для своих союзников. “Едва ли можно серьезно настаивать на таком одностороннем выполнении договора, при котором Сербии достаются шипы, а Болгарии – розы”¹⁴.

Прямо противоположную оценку высказывали издания, контролировавшиеся либеральной Конституционно-демократической партией (так называемых “кадетов”). Они решительно встали на сторону Болгарии. Такая позиция кадетской прессы определялась болгарофильством лидера этой партии П.Н. Милюкова. Прожив в Болгарии несколько лет эмиграции, он пришел к выводу, что установление прочных связей с этой страной должно быть приоритетом политики России на Балканах. Отражая взгляды Милюкова, главная газета кадетской партии “Речь” писала: “Болгария для русских интересов является наиболее важным союзником на Балканах, и если приходится выбирать между непримиримыми требованиями, то выбор должен склониться на сторону более близкого и сильного соседа”¹⁵. “Речь” считала сербские притязания на область к югу от Скопье совершенно необоснованными и предупреждала, что попытки Белграда

¹¹ Rossos A. Russia and the Balkans. Inter-Balkan Rivalries and Russian Foreign Policy. 1908–1914. Toronto, 1981, p. 190–191.

¹² Русское знамя, 11.V.1913.

¹³ Русское слово, 6.III.1913.

¹⁴ Русское слово, 1.V.1913.

¹⁵ Речь, 27.V.1913.

силой удерживать Македонию только ослабят сербское государство, надолго отвлекая его силы на борьбу с болгарским ирредентизмом.

Если “Речь” в сербско-болгарском конфликте из-за Македонии занимала однозначную проболгарскую позицию, то ряд российских изданий (“Новое время”, “Голос Москвы”, “Вестник Европы”), не отвергая сербских аргументов в территориальных спорах, осуждали позицию сербского правительства по другим причинам. Они указывали, что в погоне за Македонией Белград может навсегда потерять шанс на присоединение населенных сербами австрийских и венгерских территорий, борьба за которые может вестись только в союзе с Болгарией или, по крайней мере, при ее благожелательном нейтралитете.

“Новое время” называло претензии правительства Н. Пашича к Болгарии “величайшей ошибкой”: если сербы потеряли выход к Адриатике, то в этом виноваты Австро-Венгрия и поддерживавшие ее великие державы, но за это не может расплачиваться своими территориями Болгария. Газета была уверена, что придерживаться союзного договора 1912 г. выгодно и самим сербам, поскольку в случае его реализации болгары выйдут к Охридскому озеру и албанским землям. Следовательно, в будущем Болгария может стать союзником сербов, черногорцев и греков в их борьбе за раздел Албании. Правда, весной 1913 г. “Новое время” еще не верило в возможность перерастания сербо-болгарского спора в войну между двумя государствами. Гарантию против этого катастрофического развития событий газета видела в бессмысленности такой войны для сербов: они могли бы решиться на войну с болгарями только из-за безусловно жизненных интересов, т.е. выхода к морю. Но даже победоносная война против болгар в союзе с греками не позволит сербам решить эту главную задачу¹⁶.

“Голос Москвы” считал надуманными опасения сербов и греков по поводу болгарской гегемонии на Балканах. Эта газета указывала, что Болгария в результате войны с Турцией достигла пределов своего территориального расширения, а Сербии и Греции еще предстоит присоединить ряд остающихся под властью Габсбургов и Османов территорий, после чего они окажутся значительно больше Болгарии¹⁷. “Голос Москвы” предполагал, что, если война все-таки начнется, победителем из нее выйдет Болгария, на стороне которой выступит и Австро-Венгрия. “Величайшую ошибку готовится совершить Сербия, ошибку непоправимую, роковую, гибельную для самого существования маленького королевства, кое-как влачащего свое бытие благодаря коллизии интересов к нему прилегающих государств. Объявление войны Болгарии будет для Сербии актом ее политического самоубийства”¹⁸.

Схожие идеи высказывал и авторитетный либеральный журнал “Вестник Европы”, выступавший не столько против сути, сколько против формы сербских притязаний. Он подчеркивал, что нельзя отказываться от договора с другой страной только в силу изменения международной ситуации, которое не было предусмотрено этим договором. Не подлежит сомнению, писал “Вестник Европы”, что Сербия сделала для Болгарии больше во время войны, чем Болгария для своей сербской союзницы. Адрианополь вряд ли бы оказался в болгарских руках без помощи сербской армии. В результате сербы получили гораздо меньше, чем болгары. “Бесспорные факты говорят в пользу нравственного права Сербии на существенные уступки со стороны болгар, без ущерба для прочности союза и без всяких попыток произвольного истолкования союзного договора”¹⁹.

“Утро России” также предлагало Софии пойти навстречу сербским желаниям. “Кто чувствует себя сильнее, кто почитает себя удовлетворенным сверх заранее наметавшейся меры, тот обязан быть более уступчивым”²⁰. Сербо-болгарское компромис-

¹⁶ Новое время, 4, 9, 10, 23.IV.1913; 17.V.1913.

¹⁷ Голос Москвы, 20.IV.1913.

¹⁸ Голос Москвы, 30.V.1913.

¹⁹ Вестник Европы, 1913, июнь, с. 393.

²⁰ Утро России, 18.V.1913.

ное соглашение вполне могло бы состояться, считала газета прогрессистов, если бы не греки, выступающие в роли провокаторов. Будучи в военном отношении гораздо слабее Болгарии, Греция стремится стравить сербов и болгар, так как только болгаро-сербский военный конфликт предоставит грекам единственную возможность заполучить в свои руки Салоники, все побережье Орфанского залива и может быть даже порт Кавалу. “Утро России” высказывало надежду, что российскому правительству не придется выступать в роли арбитра между рассорившимися союзниками. По мнению этого издания, арбитраж привел бы к ухудшению отношений России как с Болгарией, так и с Сербией, так как “никакой арбитраж в мире не может удовлетворить в равной мере все состязующиеся стороны”²¹.

Если политика Сербии и Болгарии в македонском вопросе по-разному оценивалась российской прессой, то относительно роли Австро-Венгрии в разгорающемся на Балканах конфликте не было никаких сомнений: империя Габсбургов не без оснований называлась главным провокатором, стравливающим балканских союзников в борьбе за Македонию²². Большинство изданий не сомневалось в том, что австрийцы с нетерпением ждут войны и активно ее готовят, стремясь тем самым разрушить Балканский союз, ослабить все балканские государства, в особенности Сербию, и восстановить свое влияние, пошатнувшееся после разгрома Турции.

Еще в феврале 1913 г. “Голос Москвы” в статье “Подкопы под Балканский союз” сообщал о попытках австрийской дипломатии стравить балканских союзников. По информации этой газеты, Сербии делаются намеки, что за потерю Северной Албании она может получить компенсации в Македонии и что Вена якобы готова поддержать сербские претензии на те области, которые по договору 1912 г. должны отойти к болгарам и грекам²³. Спустя несколько месяцев “Новое время” с сожалением констатировало, что, несмотря на очевидность австрийских замыслов, Вена смогла заставить плясать под свою дудку политиков как Сербии, так и Болгарии. По мнению этой газеты, правительства Н. Пашича и С. Данева, занимающие непримиримые позиции и фактически уклонившиеся от русского арбитража, опустили до роли кукол австрийской дипломатии и ведут себя так, будто реализуют план, напрямую предписанный им из Вены²⁴. Все же “Новое время” признавало, что распря между вчерашними союзниками лишь отчасти объясняется австрийскими интригами и значительная часть вины ложится на самих балканцев, выясняющих после сокрушения Турции не просто вопрос об этнографическом характере Македонии, а кому будет принадлежать гегемония на Балканах, “кому быть Пьемонтом или Пруссией Балканского союза”²⁵.

“Речь” считала, что австрийская дипломатия играет в беспроигрышную игру: “кто бы из союзников ни проиграл в открытом конфликте, выиграет во всяком случае Австрия”²⁶. Кадетская газета предполагала, что в случае начала межсоюзнической войны империя Габсбургов вмешается в нее на стороне Болгарии. Венские политики не боялись болгарской гегемонии на Балканах, поскольку считают сильную Болгарию противовесом России в этом регионе. Близкая к “Речи” по своей идеологии либеральная газета “Русские ведомости” писала, что Австро-Венгрия, не будучи в состоянии радикально обновиться, пытается сохранить свое влияние на Балканах так же, как это делали турки после 1878 г., – за счет стравливания балканских народов²⁷. “Московские ведомости” отмечали, что в Вене и Берлине “братоубийственная война славянских

²¹ Утро России, 23.V.1913.

²² О политике Австро-Венгрии на Балканах летом 1913 г. см.: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985, с. 168–169; *Williamson S.* Austria-Hungary and the Origins of the First World War. London, 1992, p. 143–149.

²³ Голос Москвы, 15.II.1913.

²⁴ Новое время, 18.V.1913; 6, 11.VI.1913.

²⁵ Новое время, 27.V.1913.

²⁶ Речь, 17.V.1913.

²⁷ Русские ведомости, 10.IV.1913.

государств... была бы встречена с восторгом, как осуществление заветных мечтаний немцев”²⁸. Там уже ожидали скорого перехода Болгарии на свою сторону.

“Русское слово” утверждало, что от межсоюзнической войны выиграют только страны Тройственного союза, которые смогут продиктовать свои условия истощенным балканским государствам. Австро-Венгрия получит возможность вернуть контроль над Новобазарским санджаком, а Италия – выкинуть греков из Северного Эпира, передав его Албании, и закрепить за собой населенные греками Додеканезские острова²⁹. Венский корреспондент этой газеты Л. Соколовский в июне 1913 г. писал: “Война между сербами и болгарами это последний козырь, последняя надежда Австрии. Если войны не будет, австрийская партия на Балканах бесповоротно проиграна”³⁰. Черносотенное “Русское знамя” не сомневалось в том, что происходящее на Балканах выгодно Австрии и Германии и “что совершается дело их рук”³¹. Либеральный “Вестник Европы” смотрел на проблему шире, возлагая вину за распря между Болгарией, Сербией и Грецией на всю европейскую дипломатию, которая должна была настоять на введении автономии Македонии. Только объявление Македонии единой и автономной областью могло не допустить конфликта между союзниками из-за ее раздела³².

Предотвратить войну не удалось. 29(16) июня 1913 г. Болгария, надеясь на нейтралитет Румынии и Турции и активную помощь со стороны Австрии, открыла боевые действия против сербов и греков³³. Известие об этом было воспринято в России как начало разрушения всего того, что было достигнуто балканским славянством в войне против Турции. В российской печати царили пессимистические настроения в отношении будущего Балканского полуострова. “Новое время” не скрывало своего отчаяния: “Договор, балканский союз, общие интересы южного славянства – все это рухнуло. Остается спасать обломки и строиться на пожарище... вчерашняя мечта о величии южного славянства, бывшая такой близкой и возможной, рассеялась, как утренний туман”³⁴. “Вестник Европы” с сожалением констатировал, что балканские государства, еще недавно вызывавшие общее сочувствие Европы своей энергичной и успешной борьбой против Турции, начинают теперь крайне печальную страницу своей истории: “Идея балканского союза потоплена в крови”³⁵. “Русское слово” утверждало: “Союзники, так блестяще выдержавшие экзамен на полях битв, постыдно провалились на мирном экзамене политической зрелости”.

Российские издания по-разному отвечали на вопрос, кто является виновником произошедшей катастрофы. “Русское слово” возлагало ответственность за развал Балканского союза на Болгарию: “Если бы Болгария проявила искреннее желание миролюбиво разрешить все спорные вопросы и не третировала высокомерно своих союзниц, раздел Македонии можно было бы произвести полюбовно. Беда в том, что болгары признают за собой одни права, а другим оставляют лишь обязанности”³⁶. “Голос Москвы”, напротив, заявлял: “Не Болгарию считаем мы истинной виновницей так внезапно для всего мира вспыхнувшей войны, а тех, кто провоцировал ее выступление, совершенное исключительно в жизненнейших интересах ее государственной обороны”. По мнению “Нового времени”, виновниками были не народы и отдельные страны, а руководители всех вступивших в схватку государств – Н. Пашич, Э. Венизелос и С. Данев, которые не смогли просчитать ни возможности вмешательства в

²⁸ Московские ведомости, 1.VI.1913.

²⁹ Русское слово, 30.V.1913.

³⁰ Русское слово, 11.VI.1913.

³¹ Русское знамя, 7.VII.1913.

³² Вестник Европы, 1913, июль, с. 426.

³³ Жебокрицкий В.А. Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961, с. 184–189.

³⁴ Новое время, 21.VI.1913.

³⁵ Вестник Европы, 1913, июль, с. 426.

³⁶ Русское слово, 4.VI.1913.

межсоюзническую распря третьих сил (Австро-Венгрии и даже Турции), ни падения значения каждого из государств после крушения Балканского союза³⁷. “Утро России” задавало вопрос не “кто виноват?”, а “что делать?”. И отвечало на него: российской дипломатии следует приложить максимум усилий для локализации войны, удержав Румынию и Турцию от втягивания в эту “балканскую семейную распря”³⁸. Газета прогрессистов очень тяжело расставалась с иллюзиями о торжестве “славянского дела” и вся Вторая Балканская война казалась ей “нечем иным, как кошмарным инцидентом, кровавой интермедией, внезапно ворвавшейся в мирную обстановку дипломатических переговоров о дружественном арбитраже”³⁹.

Начало боевых действий между армиями вчерашних союзников расценивалось российским обществом как огромная победа дипломатии Австро-Венгрии и лично министра иностранных дел этой страны графа Л. Берхтольда. “Русские ведомости” подчеркивали, что война создала совершенно новую ситуацию, при которой Австрия, “совсем было проигравшая свою игру на Балканах, опять имеет в своих руках чуть ли не все козыри”⁴⁰. “Новое время” писало, что каким бы ни был исход вооруженного конфликта, послевоенное устройство Балканского полуострова будет зависеть не от сербов, болгар или греков, а от Австро-Венгрии, которая выступит в подходящий момент, “сметет рукавом со стола все их карты и распределит выигрыши и проигрыши по своему усмотрению, как сочтет нужным не для их, а для своих выгод”⁴¹. С этим был согласен и журнал “Вестник Европы”, отмечавший: «Венский кабинет стоит теперь за свободу действий сербов, болгар и греков; он ничего не имеет против того, чтобы Сербия была “проучена” болгарами и чтобы бывшие союзники перегрызли друг другу горло после чрезмерных совместных побед над Турцией. Австрийцы надеются, что скоро настанет момент, когда разгоряченные спорщики почувствуют потребность в благосклонности и дружбе Австро-Венгрии, которая со своей стороны сумеет поставить свои условия»⁴².

Новая ситуация, сложившаяся после начала межсоюзнической войны, поставила вопрос о том, какую политику должна теперь проводить Россия. Большинство периодических изданий полагало, что болгаро-сербская распря снимает с России моральную ответственность за судьбу южного славянства. Газеты и журналы писали, что перед лицом распада Балканского союза, созданного усилиями российской дипломатии, и явного пренебрежения сербов и болгар к призыву царя Николая II не начинать войны из-за Македонии России следует думать исключительно о своих интересах. Данные настроения ярко выразил “Голос Москвы”, заявив: «С тех пор как славянская идея изорвана в клочки руками балканских славян, а России нанесено незабываемое оскорбление, нам нет особых оснований заботиться о судьбе “младших братьев”. Пора позаботиться об охране собственных интересов»⁴³.

Межсоюзническая война привела к огромному разочарованию российского общества в балканском славянстве, нанеся чувствительный удар по славянофильским иллюзиям. М.О. Меньшиков на страницах “Нового времени” напоминал, что, разгромив Турцию, болгары, сербы, греки и черногорцы завоевали симпатии и уважение Европы, но, “перессорившись и передравшись, те же народцы обратились в толпу незначительных наций, ни вражда, ни дружба которых не имеют большой цены”⁴⁴. Другой популярный публицист того времени, священник Григорий Петров, находясь под впечатлением от кровавой межсоюзнической распри и совершенных участниками

³⁷ Новое время, 23.VI.1913.

³⁸ Утро России, 22.VI.1913.

³⁹ Утро России, 28.VI.1913.

⁴⁰ Русские ведомости, 17.VII.1913.

⁴¹ Новое время, 27.VI.1913.

⁴² Вестник Европы, 1913, июль, с. 420–421.

⁴³ Голос Москвы, 11.VII.1913.

⁴⁴ Новое время, 4.VII.1913.

конфликта военных преступлений, утверждал, что культурность не вошла в плоть и кровь балканских народов, что европейская цивилизованность нужна им “лишь как нарядный, показной, верхний костюм”⁴⁵. Издатель консервативного “Гражданина” князь В.П. Мещерский, и до этого крайне отрицательно относившийся к славянофильским идеям, в дни Второй Балканской войны подчеркивал, что русские не должны испытывать симпатий к балканцам, “которые все без исключения ведут войну на началах диких и зверских папуасов”⁴⁶. Как цепь ошибок и глупостей рассматривал Мещерский всю ближневосточную политику России последнего времени, включая и освобождение балканских славян от турецкой власти, которое, по его словам, оказалось “выпуском из клетки диких зверей”⁴⁷.

Столь же критическое мнение о характере балканского славянства высказывало летом 1913 г. и черносотенное “Русское знамя”, которое во время Первой Балканской войны относилось весьма сочувственно к борьбе болгар, сербов и черногорцев с турками. Теперь эта газета утверждала, что балканские народности, увеличившие вдвое свои прежние владения и, несмотря на это, готовые из жадности резать друг друга ради еще большего куска, не заслуживают покровительства России и уважения со стороны русского общества⁴⁸. Другая черносотенная газета “Земщина” считала, что в конфликте из-за Македонии проявились негативные черты славянского национального характера. Главный редактор этого издания С.К. Глинка-Янчевский писал: “Мы, славяне, считаем обыкновенно не столько свои выгоды, сколько чужие. И если сосед заработал больше, чем ему, по нашему мнению, следовало бы, то нас это волнует и покоя не дает, хотя бы и мы сами не были в обиде... Сутяжничество лежит в нашей крови, и мы готовы лишиться всего своего достоинства, лишь бы соседу насолить, лишь бы ему не досталось чего-нибудь лишнего”⁴⁹. Глинка-Янчевский делал неутешительный вывод о будущем славянства, считая его неспособным к самоуправлению: “Нам нужен железный кулак, иначе мы станем игрушками в руках наших же врагов”⁵⁰.

Тем временем болгарское наступление на позиции сербов и греков в Македонии закончилось полным провалом. В ходе продолжавшегося несколько дней сражения с сербской армией на реке Брегалнице армия царя Фердинанда была разбита. Одновременно с юга в наступление перешла греческая армия, быстро оттеснившая болгар из Эгейской Македонии и разоружившая находившийся в Салониках болгарский гарнизон. Антиболгарская коалиция постоянно расширялась. С самого начала войны на стороне Сербии выступили черногорцы. 3 июля (20 июня) мобилизацию начала Румыния, которая спустя неделю ввела свои войска на территорию Болгарии, потребовав исправления границы и уступки почти всей болгарской Добруджи. Вскоре румынские войска, не встречая сопротивления, подошли к Софии. Тяжелым положением болгар воспользовались и турки, нарушившие Лондонский мир и вторгшиеся во Фракию. За несколько дней они заняли Люле-Бургас, Кирк-Килисе, а 23(10) июля 1913 г. восстановили контроль над Адрианополем, оставленным без боя болгарским гарнизоном⁵¹.

На фоне расширения войны, втягивания в нее все новых стран в российской прессе росли опасения в связи с поведением Австро-Венгрии: не исключалось, что Вена, дабы не допустить полного разгрома Болгарии и помешать усилению Сербии, сама решительно вмешается в войну, тем более что в этом случае австрийцы получат возможность, воспользовавшись балканской смутой, оккупировать Новобазарский санджак и окончательно утвердиться в Албании. При этом отмечалось, что самостоятельные

⁴⁵ Русское слово, 29.VIII.1913.

⁴⁶ Гражданин, 14.VII.1913.

⁴⁷ Гражданин, 21.VII.1913.

⁴⁸ Русское знамя, 27.VI.1913; 10.VIII.1913.

⁴⁹ Земщина, 20.VI.1913.

⁵⁰ Земщина, 26.VI.1913.

⁵¹ Hall R. The Balkan Wars 1912–1913. Prelude to the First World War. London, 2000, p. 107–123.

действия Румынии, фактически вступившей в войну на стороне ненавистной австрийцам Сербии, в значительной мере спутали карты венской дипломатии⁵².

Корреспондент “Нового времени” в Австро-Венгрии Д. Янчевецкий сообщал, что румынское выступление стало неприятным сюрпризом для венских и будапештских политиков, которые теперь обвиняют румын в измене Тройственному союзу и переходе на сторону Антанты и сербо-греческого блока⁵³. Наблюдения Янчевецкого подтверждались и сообщениями венского корреспондента “Русских ведомостей” П. Звездича (П.И. Ротенштерна), который писал, что вступление в войну против Болгарии Румынии, нарушающее все планы Австрии на Балканах, произвело в Вене “ошеломляющее впечатление”. С Румынией империя Габсбургов всегда чувствовала тесную связь, основанную на страхе перед Россией и панславизмом. Теперь же эта связь рушится. “От Австрии, как от обреченной, начинают уже отказываться самые близкие друзья”⁵⁴, — делал вывод Звездич. “Русское слово”, в свою очередь, не скрывало удовлетворения по поводу вступления румынских войск в пределы Болгарии. По мнению газеты, это действие бухарестского правительства означает фактически разрыв с Австрией, в фаворите которой Румыния двигалась последние 30 лет⁵⁵.

Внимание российской прессы в июле 1913 г. привлекало не только военное выступление румын против Болгарии, но и вторжение турок во Фракию и отвоевание ими Адрианополя. Пожалуй, только “Новое время” и “Московские ведомости” выступили в эти дни с призывом к правительству России оказать военное давление на Порту, чтобы заставить младотурок вернуть Адрианополь болгарам и удалиться за установленную Лондонским мирным договором болгаро-турецкую границу⁵⁶. Подавляющее же большинство остальных газет высказывало отрицательное отношение к каким бы то ни было агрессивным акциям, направленным против Турции. Указывалось, что такое выступление России будет выгодно только Вене и Берлину, которые стремятся полностью посорить Россию и Турцию и еще больше укрепить свое влияние на берегах Босфора. Все чаще во время Второй Балканской войны российские газеты указывали на рост проавстрийских симпатий в Болгарии, заявляя, что нет никакого смысла вытаскивать собственными руками каштаны из огня для государства, которое завтра может перейти на сторону Тройственного союза.

В результате Второй Балканской войны болгары потерпели сокрушительное поражение. Атакованная сразу с четырех сторон, Болгария капитулировала уже 29(16) июля 1913 г. Стремительный разгром Болгарии, самого сильного в военном отношении балканского государства, стал неожиданностью для российского общества. «Всего несколько месяцев тому назад, после головокружительных успехов в войне с Турцией, Болгария оказалась наверху славы и могущества, и как глубоко должна она чувствовать теперь свое унижение! — писали “Русские ведомости”. — В несколько дней у нее отнято все, что подготовлялось многими годами внутренней работы, во имя чего были принесены такие тяжелые жертвы и что казалось уже окончательно достигнутым»⁵⁷. “Утро России” ответственность за болгарскую катастрофу возлагало на царя Фердинанда, который в течение 25 лет своего правления вместо того, чтобы однозначно ориентироваться на Россию, заигрывал с Австрией, к которой “властно склоняли его личные симпатии, родовые традиции, голос его неславянской крови”⁵⁸. По мнению газеты, Фердинанд рассчитывал, что война с Сербией скомпрометирует

⁵² Об австро-румынских разногласиях во время Второй Балканской войны см.: *Căzan G.N., Rădulescu-Zoner Ș.* Rumänien und der Dreibund 1878–1914. București, 1983, S. 225–249; *Крощ Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики. 1908–1914. Псков, 1996, с. 81–82.

⁵³ Новое время, 14.VII.1913.

⁵⁴ Русские ведомости, 21.VI.1913.

⁵⁵ Русское слово, 25.VI.1913.

⁵⁶ Новое время, 12.VII.1913; Московские ведомости, 16.VII.1913.

⁵⁷ Русские ведомости, 29.VI.1913.

⁵⁸ Утро России, 3.VII.1913.

дружественное России правительство С. Данева и нанесет сокрушительный удар по болгарским русофилам⁵⁹. “Земщина” считала, что исход межсоюзнической войны оказался еще не самым плохим. Если бы победительницей была Болгария, стремящаяся к господству на Балканах, она безжалостно добивала бы Сербию, опираясь на сочувствие Австрии. Что касается Сербии и Греции, то они не претендуют на главенство и их аппетиты умереннее, а потому эти страны не станут слишком упорствовать и предъявлять чрезмерные требования⁶⁰.

Сразу вслед за капитуляцией Болгарии в Бухаресте начались мирные переговоры между болгарами и их противниками, завершившиеся 10 августа (28 июля) 1913 г. подписанием мирного договора. Побежденные болгары вынуждены были отказаться от большей части приобретений Первой Балканской войны: к Греции отходила Южная Македония с Салониками и Кавалой, Сербия получила всю западную часть Македонии вдоль реки Вардар с городами Скопье, Битоля, Охрида, Куманово, Прилип, Иштиб. Кроме того, в пользу Румынии София уступала Южную Добруджу. Заключенный полтора месяца спустя в Константинополе болгаро-турецкий мирный договор закрепил потерю болгарами и значительной части завоеванной осенью 1912 г. Фракии с Адрианополем. Хотя болгары потерпели катастрофическое поражение, им все же удалось сохранить часть завоеванных территорий, в том числе часть Фракии с выходом к Эгейскому морю через порт Дедеагач и Пиринскую Македонию с городом Струмицей⁶¹.

Российская пресса единодушно оценила Бухарестский мир как крайне неустойчивый и чреватый новыми военными столкновениями на Балканах. “Русские ведомости” рассматривали результаты двух Балканских войн как проявление кризиса всей системы международных отношений. Бухарестский мир, по мнению этой газеты, создал еще более искусственное и опасное положение на Балканах, чем Берлинский конгресс 1878 г. Вину за это “Русские ведомости” возлагали на дипломатию великих держав, лондонское посредничество которых «оказалось одним из самых крупных банкротств дипломатии, одним из самых неразумных и близоруких политических актов, одним из наиболее блестящих проявлений “отсутствия Европы”, крушения ее морального авторитета и ее влияния, о которых может рассказать новейшая история»⁶².

“Миром без примирения” назвала Бухарестский договор газета “Утро России”: “Мир заключен, но никто из заключивших этот мир не верит в него. Одни будут ждать нападения, другие – готовиться к нему”⁶³. Положение Сербии после блестящих побед в двух войнах оказалось даже более тяжелым, чем было до 1912 г.: хотя она существенно расширила свою территорию, но зато теперь со всех сторон окружена врагами – австрийцами, албанцами, болгарами. По мнению газеты прогрессистов, Бухарестский договор оказался крупным дипломатическим поражением России: ей так и не удалось помешать чрезмерному ослаблению Болгарии. “Утро России” не сомневалось, что болгары пошли на унижительный для них мир только для того, чтобы поскорее приступить к военной и дипломатической подготовке реванша, а потому будущее Балканского полуострова – это лихорадочная милитаризация и торжество шовинизма.

Итоги Балканских войн вызвали негодование “Голоса Москвы”, назвавшего Бухарестский договор “могильной плитой над Болгарией и над славянским населением Македонии”⁶⁴. Все соседи Болгарии усилились за ее счет, грубо нарушая ими же выдвинутый принцип балканского равновесия. Основную вину за унижение Болгарии

⁵⁹ Утро России, 7.VII.1913.

⁶⁰ Земщина, 29.VI.1913.

⁶¹ Markov G. Bulgaria at the peace conference in Bucharest (July – August 1913). – Etudes Historiques, t. XIII. Sofia, 1985, p. 145–158; Boeckh K. Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg. Kleinstaatenpolitik und ethnische Selbstbestimmung auf dem Balkan. München, 1996, S. 61–72.

⁶² Русские ведомости, 18.IX.1913.

⁶³ Утро России, 26.VII.1913.

⁶⁴ Голос Москвы, 28.VII.1913.

газета октябристов возлагала не на Сербию, а на Грецию; при этом указывалось, что Греция станет соперником России в борьбе за Черноморские проливы и Константинополь. “Голос Москвы” считал, что Россия может примириться с бухарестским урегулированием балканского конфликта только в том случае, если союз Сербии, Греции, Румынии и Черногории консолидируется и превратится в преграду на пути австрийского экспансионизма.

Скептически оценивала условия Бухарестского мирного договора и газета “Новое время”. Она указывала, что Сербия, Греция и Румыния повторили ошибку Пруссии 1871 г. – как аннексия Эльзаса и части Лотарингии создала постоянный конфликт в отношениях Парижа и Берлина, так и лишение Болгарии почти всех ее приобретений в войне с Турцией создает условия для новых войн на юго-востоке Европы. “Бухарестский мир, не считающийся с будущим, создает на Балканах трагическое положение”⁶⁵. По мнению “Нового времени”, наибольшую выгоду от Второй Балканской войны получили неславянские страны – Греция и Румыния. Политическое главенство в этом регионе переходит отныне к Румынии, чрезвычайно усилившейся в результате разгрома болгарского царства и присвоившей себе на бухарестских переговорах роль арбитра в споре болгар с их противниками. Контроль же над хозяйственной жизнью Болгарии, Сербии и отчасти самой Румынии переходит к Греции, получившей в результате войны Салоники и Кавалу – два крупных эгейских порта⁶⁶.

После поражения Болгарии кадетские издания “Речь” и “Русские ведомости” продолжали настаивать на необходимости дальнейшей дипломатической поддержки болгар, оказавшихся в критическом положении. Тем самым руководство кадетской партии во главе с Милюковым стремилось усилить позиции пророссийских политических сил в Болгарии и не допустить перехода этой страны на сторону австро-германского блока⁶⁷. Неудивительно, что Бухарестский договор был воспринят кадетами крайне негативно. “Редко бывал мир, который бы так очевидно нес в себе зародыши будущих вооруженных столкновений”⁶⁸, – писала газета “Речь”. Этот договор чрезвычайно унижил Болгарию и обобрал ее в пользу сербов и греков. Последние в результате захвата почти всей Македонии превращаются, по словам газеты, из народов освободителей в “народы-насилъники, народы-удавы, которым придется долго и медленно переваривать проглоченное сгоряча инородное тело”⁶⁹.

Видный деятель кадетской партии С.А. Котляревский со страниц “Русских ведомостей” призывал правительство России более активно поддерживать Болгарию, “которая связана такими крепкими историческими и культурными узами с Россией”. В противном случае Болгария будет вынуждена двигаться в фарватере Тройственного союза. Котляревский писал, что после двух войн все балканские государства очень ослаблены и это является определенной гарантией от новых осложнений в ближайшее время. Но долго так продолжаться не может. “Искусственность создавшегося на Балканах порядка едва ли сгладится временем. Скорее напротив: будет накапливаться запас утеснений и обид, запас национальных ненавистей, и рано или поздно Балканский полуостров опять делается местом кровавой борьбы”. Европейские державы, по-видимому, будут стремиться ради собственного спокойствия сохранять бухарестское статус-кво, так же как они сохраняли берлинское статус-кво после 1878 г. Однако вряд ли им удастся предотвратить новый взрыв на Балканах, раз они не сделали это осенью 1912 г.⁷⁰

⁶⁵ Новое время, 29.VII.1913.

⁶⁶ Новое время, 18, 22, 23, 26.VII.1913.

⁶⁷ Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991, с. 186.

⁶⁸ Речь, 30.VII.1913.

⁶⁹ Речь, 26.VII.1913.

⁷⁰ Русские ведомости, 20.IX.1913.

Против вмешательства России в балканские дела в интересах Болгарии выступали крайне правые издания “Земщина” и “Русское знамя”. Они считали главной причиной межсоюзнической войны гегемонистские устремления Болгарии и рассматривали поражение этой страны скорее как благоприятный фактор, который делает возможным нормализацию ситуации на Балканах. Черносотенцы видели в Болгарии оплот австрийского влияния в этом регионе и призывали российскую дипломатию сделать ставку на Сербию. Усилившаяся Сербия, присоединившая Косово, Санджак и часть Македонии, была, по их мнению, “лучшей охраной против Австрии”.

Глинка-Янчевский полагал, что еще на лондонских мирных переговорах с Турцией болгарская делегация предала интересы своих союзников: она не настаивала ни на открытии для Сербии выхода к Адриатическому морю, ни на оставлении за Черногорией Скутари. Причину этого он видел в личности болгарского царя Фердинанда Кобургского, тесно связанного с империей Габсбургов. За время его правления Болгария превратилась в “тайного агента Австрии”, а болгарский престол – в “австрийский опорный пункт”. Редактор “Земщины” был уверен, что Фердинанд стоит между болгарским народом и Россией, являясь главным препятствием для восстановления дружественных отношений между двумя странами⁷¹.

Если “Земщина” еще надеялась на восстановление хороших отношений между Россией и Болгарией в будущем, то “Русское знамя” не верило в это, подчеркивая, что русофобскими настроениями охвачена не только болгарская элита, но и значительная часть болгарского общества. Утверждая, что за освобождение от турецкого рабства Россия получала от болгар одни оскорбления, рупор “Союза русского народа” делал вывод: России следует перестать заступаться за неблагодарных болгар⁷². “Русское знамя” откровенно писало, что разгром Болгарии выгоден России, поскольку слишком тесные связи Фердинанда с Веной могли в будущем доставить России немало проблем в овладении Проливами и Константинополем⁷³. Эта газета приветствовала победу Сербии. Сожаление у нее вызывало лишь чрезмерное усиление Греции. “Русское знамя” предполагало, что Греция скоро примкнет к Тройственному союзу, а объединенный флот Австро-Венгрии, Италии и Греции станет хозяином Средиземноморья⁷⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что Вторая Балканская война стала важной вехой в отношении российского общественного мнения к балканскому славянству. Она похоронила иллюзии о возможности объединения всех православных балканских народов в мощную коалицию, дружественную России, и поставила российское общество и российскую дипломатию перед необходимостью сделать ставку на одного из непримиримых противников – Сербию или Болгарию. Как показали дальнейшие события, сближение стремившейся к реваншу Болгарии с австро-германским блоком практически не оставляло России выбора. Сербия, находившаяся в жестком противостоянии с Австро-Венгрией и – в отличие от Болгарии – не претендовавшая на Проливы и Константинополь, казалась более надежным и ценным союзником, чем Болгария.

⁷¹ Земщина, 20.VII.1913.

⁷² Русское знамя, 27.VII.1913.

⁷³ Русское знамя, 16.VII.1913; 4.VIII.1913.

⁷⁴ Русское знамя, 26.VII.1913.